

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ
КАК ЗЕРКАЛО МЕНТАЛЬНОСТИ НАРОДА**

У статті розглядаються способи вербалізації концептуальної метафори «душа-зірка» в російській мовній картині світу. Основну увагу звернено на питання аналізу концептуальної метафори, тобто образних і символічних ознак, що її формують.

Ключові слова: мовна картина світу, внутрішній світ людини, концептуальна метафора, концепт.

В статье рассматриваются способы вербализации концептуальной метафоры «душа-звезда» в русской языковой картине мира. Основное внимание обращено к вопросу анализа концептуальной метафоры, т.е. образных и символических признаков, формирующих ее.

Ключевые слова: языковая картина мира, внутренний мир человека, концептуальная метафора, концепт.

The article presents an analysis and description of the conceptual metaphor «soul-star» in Russian language picture of the world. This article discusses the problem of the conceptual metaphor's analysis: its different figurative and symbolic features and components which form the structures of the concepts. Analysis of the conceptual metaphor's parts are demonstrated on the concept душа which allows to study the formation of its core component and interpretative field in literature sources.

Key words: the language picture of the world, mans` inner world, conceptual metaphor, concept.

Проблемы ментальности и ее отражение в языке и речи находятся в центре внимания современных исследователей. Первоначально ученые рассматривали связь языка и мышления (В. фон Гумбольдт, А.А. Потембин, И.А. Бодуэн де Куртенэ), затем обратились к «логическому анализу языка» (Н.Д. Арутюнова), позже ментальность был выделена как самостоятельная научная проблема (В.В. Колесов).. До сих пор нет общего определения терминов *менталитет* и *ментальность*. Многочисленные формулировки основываются на различных концепциях, подходах, проанализировав которые, В.В. Колесов приходит к заключению, что «менталитет и ментальность отличаются друг от друга различным составом своих содержательных форм» [3, с.11]. Менталитет «в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [Там же, с. 15]. А ментальность это – «миросозерцание в категориях и формах родного языка,

в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» [Колесов, с. 15].

В ментальности народа немаловажную роль играет климат, а также ландшафт, в котором живёт народ (ср.: «пейзаж русской души», по Н.А. Бердяеву). Эти признаки определяют специфику языковой картины мира. При описании признаков концептов внутреннего мира человека используются разнородные виды концептуальных метафор: вегетативные, витальные, антропоморфные, зооморфные, предметные, пространственные, темпоральные. Концепты внутреннего мира описываются концептуальными метафорами жизни, Логоса, космоса, артефактов, стихий, вещества. У концептов внутреннего мира отмечены признаки 'небесных объектов', обычно представленные разными концептуальными группами признаков (о душе в русской и английской лингвокультурах см. подробнее в: [Пименова 2004]).

В качестве примера рассмотрим одну концептуальную метафору: «душа-звезда». Образ души-звезды чрезвычайно устойчив в русском языковом сознании, его часто используют поэты и писатели (ср.: *Душа хотела б быть звездой, Но не тогда, как с неба полуночи Сици светила, как живые очи, Глядят на сонный мир земной, – Но днём, когда, сокрытые как дымом Палящих солнечных лучей, Они, как божества, горят светлей В эфире чистом и незримом.* Ф. Тютчев).

Отождествление души со звездой имеет давнюю традицию, основанную на древних мифологических воззрениях. Об этом писал А.Н. Афанасьев: «душа представлялась звездой, что имеет близкую связь с представлением её огнём; ибо звёзды первобытный человек считал искрами огня, блистающими в высотах неба. В народных преданиях душа точно так же сравнивается со звездой, как и с пламенем; а смерть уподобляется падающей звезде, которая, теряясь в воздушных пространствах, как бы погасает» [1: III, с. 198]. Звезда – это небесный огонь (ср. существующие до сих пор стёртые метафоры *звезда горит, звёзды погасли, звезда пылает, звёзды зажглись на небе*). Природа души определяется её закреплённым локусом (*небесная душа*). Душа имеет характеристики неба (*безоблачная душа; сумеречная душа; сумрачная душа; тёмная душа; мрачная душа; ясная душа; светлая душа; чистая душа; черная душа*). *Небесная душа* – это человек, обладающий добрым характером ([Дон Гуан:] *Так ненависти нет В душе твоей небесной, Дона Анна?* Пушкин. Каменный гость).

Небеса – локус Бога. Предполагаемые черты и свойства Бога метонимически переносятся на то, что определяется соответствующими эпитетами. *Небесная душа* – возвышенная. Людей с такой душой называют *не от мира сего* (*-И такая высокая, небесная душа, этот молодой Безухов!* Л.Толстой. Война и мир); ср.: *Я здесь был рождён, но нездешний душой...* Лермонтов). В народных поверьях душа человека после его смерти (первоначально вместе с дымом погребального костра) отправляется на тот свет, который располагается где-то высоко в небесах (слова *дух* и *душа* – однокоренные; дух – это, в свою очередь, воздух). Как пишет Л.Н. Виноградова, «путь на тот свет представляется долгим, трудным и опасным. ... В похоронных причитаниях душа умершего обычно изображается птицей, улетающей к небу, “за горушки за высокие”, “за облачки за ходячие”, “к красну солнышку, к светлу месяцу”, “за часты звёзды подвосточные”. ... Млечный путь во многих славянских традициях осмыслялся как «птичья дорога» или как “дорога души”. Согласно древнерусским представлениям, Млечный Путь – это “дорожка умер-

ших, идущих на вечное житьё” или путь, по которому праведники шествуют в рай» [2, с. 373]. Преодолев трудный путь, душа достигает небес, вспыхивая звездой (*Давно звезда в стакан мой канула, – Ужели навсегда?.. И вот душа моя воспрянула: Со мной моя звезда! Блок. В октябре*). Отсюда устойчивые образы сияющей (*Как осеннее дыхание Красоты с её чела, Так с души моей сияние Длань судьбины сорвала. Бестужев-Марлинский. Осень*), вспыхивающей души (*Душа дрожит, готова вспыхнуть чище, Хотя давно угас весенний день И при луне на жизненном кладбище Страшна и ночь, и собственная тень. Фет. Ещё одно забывчивое слово...*), а также души, стремящейся в высоту неба (*Взглянуть ты не смеешь на лунную ночь, Куда душа переносится. Фет. Свеча нагорела*).

Небо, согласно народным представлениям, – это мир, где находится Бог и души. Вечные устремления души – небо, иной мир (*Когда луна сверкнет во мгле ночной Своим серпом, блистательным и нежным, Моя душа стремится в мир иной, Пленяясь всем далеким, всем безбрежным. Бальмонт*). В неземных пространствах душа обычно прокладывает себе пути (*Три души блуждали, вольные от жизни, В радости эфирной неземных пространств. Бальмонт. Три души*). Такие пути определяются теми же целями, что были на земле. Душа на небе ищет своих близких и любимых ([*Священник:*] *Когда Желаете вы встретить в небесах Утраченных возлюбленные души, Ступайте по своим домам! Пушкин. Пир во время чумы*). Родные для души пространства находятся далеко от земли, высоко на небе (*Всё лучше там, светлее, шире, Так от земного далеко... Так разное с тем, что в нашем мире, – И в чистом пламенном эфире Душе так родственно-легко. Тютчев. Е.Н. Анненковой*).

Согласно христианским воззрениям, конечной точкой души в её стремлении к небу является рай (*Весь мир, как смертью, сном объят – На крыльях веры в эту даль, Где слутно брезжит отблеск рая, Душа стремится, забывая, Что ею властвует печаль. Бутурлин*). Рай – это Царствие небесное, где обитают праведные души (*Шкуру с медведя то содрали, продали: Деньги – семнадцать рублей – За душу бедного Савушки подали, Царство небесное ей! Некрасов. В деревне*). Не каждая душа попадает в рай (*И Рада бы душенька в рай, да грехи не пускают. Гарин-Михайловский. Несколько лет в деревне*). Души, попадая на небо, предстают перед судом божьим, после которого они награждаются или осуждаются. От божьей оценки души зависит её дальнейший путь (*Как жизнь я кончу, где душа моя Блуждать осуждена. Лермонтов. 1831-го июня 11 дня*). Душа, покинув тело, может оставаться на земле, ограничивая своё жизненное пространство обитанием над могилой (*Всё так ярко рисуется взору, Что не верится мне в эту пору, Читоб не мог увидеть я и той, Чья душа здесь незримо витает, Кто под этим крестом поживает... Некрасов. Рыцарь на час*). С душой, обретшей свободу, происходит метаморфоза – она изменяется (*И кто, кто скажет, совесть заглуша: Прелестный лик, но хладная душа! Когда он вдруг увидит пред собою То, что сперва почёл бы он душою, Освобождённой от земных цепей. Лермонтов. Измаил-Бей*).

У народа до сих пор бытует мнение, что падение звезды обозначает смерть. Душа человека после смерти появляется на небе в виде звезды (ср.: *Как мог, слепец, я не видеть тогда, Что жизни ночь над нами лишь сгустится, Твоя душа, красы твоей звезда, Передо мной, умчавшись, загорится. Фет. Светил нам день, будя огонь в крови...*). Наравне с этим существуют совершенно противоположные поверья. Падающая с неба звезда символизирует рождение человека (ср.: *Гляди – звезда упала! Это чья-нибудь душенька чи-*

стая востоквалаась, мать-землю вспомнила! Горький). Появление новой звезды на небе связано с рождением младенца, т.е. сколько людей на земле, столько и звёзд на небе. С последним поверьем связаны также и представления о том, что такая звезда «ведёт» человека по жизни. Эта звезда определяет счастливую или несчастливую судьбу (*родиться под счастливой/ несчастливой звездой*).

Душа – это звезда (*душа на небе/ небесах; яркая душа*). Души-звёзды – это божества (*Душа хотела б быть звездой, Но не тогда, как с неба полночи Сицили светила, как живые очи, Глядят на сонный мир земной, – Но днём, когда, сокрытые как дымом Палачих солнечных лучей, Они, как божества, горят светлей В эфире чистом и незримом*. Тютчев. Душа хотела б быть звездой...). Одни из самых древних представлений о божествах русского народа отражены в сказках. В сказках в роли божеств – охранителей, дарителей благ, помощников и советчиков – выступают предки (зачин практически любой сказки – жили-были дед и баба; ср.: в белорусском: *дзяды* и *бабы*). Млечный путь, звёздный путь – это путь к предкам. О верованиях многих народов в то, что души умерших предков сияют на небе звездами упоминали А.Н.Афанасьев и А.Н.Соболев, которые отмечали, что такие верования распространены у славян, римлян, кельтов, немцев [1: III, с. 199-200], индусов и у древних греков [5, с. 56]. Души общаются со звёздами (*Но там, за этим царством вьюги, Там, там, на рубеже земли, На золотом, на светлом Юге Ещё я вижу вас вдали: Вы блестяще ещё прекрасней, Ещё лазурней и свежей – И говор вам ещё согласней Доходит до души моей!* Тютчев. Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...).

Признаки души-звезды «прочитываются» в устойчивых сочетаниях, среди таких признаков отмечены свет, сияние, небесная природа и огонь (*пламя/ огонь души; свет/ сияние (небесной) души*). Душа отождествляется с внутренним огнём, дающим жизнь: человек жив, пока это пламя горит, поэтому о том, кто умер, говорят *угас* (как о лампене). Свет души отображается в глазах человека (ср.: *...А душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки*. Гончаров. Обломов), о человеке, потерявшем интерес к жизни говорят *с потухшими глазами, с потухшим взором*. Свет-душа – когда-то распространённое обращение к любимым (ср.: *Но зачем в степную даль Свет-душа стремится взорами? Ждёт и там её печаль За железными затворами*. Одоевский. По дороге столбовой...). Эмоциональная сфера, функционально закреплённая за душой, традиционно передаётся метафорами огня (*пламя страсти; огонь любви*); такие метафоры часто совмещаются с пространственными метафорами (*в душе огонь/ пламя любви/ страсти*). Любовь и любимые описываются метафорами света души (*Мимо окон моих – бесстрастный – Ты пройдёшь в снеговой тиши, Божий праведник мой прекрасный, Свете тихий моей души!* Цветаева. Ты проходишь на запад солнца...; *Отшельник мирный и безвестный, Остался в счастливой глуши, С тобою, друг милый, друг прелестный, С тобою, свет моей души!* Пушкин. Руслан и Людмила; *Мой милый друг, твои молодые годы Прекрасный свет души твоей спасут; Оставь же мне и гром и непогоды... Они твоё блаженство унесут!* Красов. Песня).

Символы некоторых древних верований могут быть настолько устойчивы, что существуют у народа независимо от смены религий. Новые религии, сменяя друг друга, отличаются преемственностью некоторых положений. Так, согласно таким воззрениям, человек, рождаясь, получает душу (*Я здесь был рожден, но нездешний душой...* Лермонтов. Желание). Душа – нездешняя, не земная жительница, её родина – небеса (*Душа*

грустит о небесах, Она нездешних нив жилища. Люблю, когда на деревьях Огонь зелёный шевелится. Есенин. Душа грустит о небесах...; Роднее бывшее - всего. Все признаки с меня, все меты, Все даты - как рукой сняло: Душа, родившаяся - где-то. Цветаева. Тоска по родине! Давно...). Покидая тело человека, временно или навсегда, душа обретает крылья, и путешествует она тогда в облике птицы (Но опьянённая душа его [Прохора] – на крыльях. Шишков. Угрюм-река). Птица-душа летает или парит на крыльях (Душой улетаю за песней, Она отдалась ей вполне... Нет в мире той песни прелестней, Которую слышим во сне! Некрасов. Мороз, Красный Нос). В русской культуре птицы традиционно символизируют свободу и волю (Ах, если бы живые крылья Души, парящей над толпой, Её спасали от насилия Бессмертной пошлости людской! Тютчев. Чему молилась ты с любовью...). По другим поверьям, «в момент смерти душа вылетает изо рта в виде яркой звезды и устремляется к небу» [6, с. 166].

Рождение человека предопределяет его земной путь. Несмотря на земные пути душа сохраняет свою связь с небом ([Андрей Болконский] знал, что это был Наполеон – его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегающими по нем облаками. Л.Толстой. Война и мир). Душа, временно покидая тело, посещает иные миры, иные края, расположенные над звёздами (Я понимал их звуки роковые, Я в край надзвёздный пылкою душой Летал на колеснице громовой!.. Лермонтов. Аул Бестунджи). Такие путешествия души передаются в метафорах полёта. Душа может предстать в образе гостьи, посещающей иные миры (Пусть не по нём и мир наш внешний, Пусть, по мечтам, он и нездешний, А где-то всей душой гостит. Ф.Глинка. В защиту поэта).

Двойственность существования души отображается в способности странствовать обычно в двух пространствах – земном и небесном. Земная жизнь и жизнь небесная отличаются друг от друга. Душа находится между этими двумя пространствами, пребывая одновременно и на земле и на небе (О вещая душа моя! О сердце, полное тревоги, О, как ты бьёшься на пороге Как бы двойного бытия!.. Тютчев. О вещая душа моя!). Душа уносится в небо – сферу добра и блага ([Дон Гуан:] Так ненависти нет В душе твоей небесной, Дона Анна? Пушкин. Каменный гость). Благо есть идеал души. Достижение идеалов и поставленных целей передаётся метафорами пути. Небесные пути души проходят на большой высоте (Светись, светись, далёкая звезда, Чтоб я в ночи встречал тебя всегда; Твой слабый луч, сражаясь с темнотой, Несёт мечты душе моей большой; Она к тебе летает высоко; И груди сей свободно и легко... Лермонтов. Звезда).

Душа в оценочных характеристиках предстаёт как высокая, небесная или падшая с небес (-И такая высокая, небесная душа, этот молодой Безухов! Л.Толстой. Война и мир; Когда из мрака заблужденья Горячим словом убежденья Я душу падающую извлék, И, вся полна глубокой муки, Ты прокляла, ломая руки, Тебя опутавший порок. Некрасов. Когда из мрака заблужденья...). Душу может возвысить природа (О мечты! о волшебная власть Возвышающей душу природы! Пламя юности, мужество, страсть И великое чувство свободы – Всё в душе угнетённой моей Пробудилось... Некрасов. Рыцарь на час). Высокая душа – это эталон, идеал (Притворством вечным утомлён; Душе высокой не довольно Остатков юности своей. Лермонтов. Измаил-Бей). Земное трактуется че-

рез качественные характеристики тлена, праха, небесное – вечности, отсутствия смерти (*Вознесусь душой нетленной На невидимых крылах.* Блок).

В описаниях «звездных» свойств души встречается метонимический перенос, – душа приобретает признаки ночного неба, на котором светят звезды (*Он говорил мне: «Яркой звездой Мрачную душу ты озарила, Ты мне надежду в сердце вселила, Сны наполняя сладкой мечтой».* Медведев. Он говорил мне: «Будь ты моею...»). Звёзды в душе всегда передают положительные признаки. Звезда ассоциируется с надеждой или любовью (*Звезда надежды благодатная, Звезда любви волшебных дней, Ты будешь вечно незакатная В душе тоскующей моей!* Чуевский. Гори, гори, моя звезда...). Лучи света в душе – это надежда (*Надежды луч бледнеет Теперь в душе моей... Уже другой владеет Навек рукой твоей!..* Карамзин. Прости).

Концепту душа свойственны признаки ‘солнца’ (*яркая душа; воспламененная душа; огненная душа; пламенная душа; пылающая душа; пылкая душа*). Спектр признаков ‘солнца’ у концепта душа отличается разнообразием: ‘сияние’ (*И всё проснулось в природе; Как солнце, душа просияла; Блаженство, восторги Воскресли в измученном сердце!* Я счастлив: ты снова моя. Кукольник. Английский романс; *Зарница только в вышине По их оружию играет; И только их душа сияет, Когда на бой, на смерть идёт.* Державин. На взятие Измаила), ‘затмение’ (*Что же грудь моя трепещет, Что же душу тьмю мою? В.Кюхельбекер. К друзьям, на Рейне; И дней невинных её не жаль, И душу ей одна печаль Порой, как туча, затмевает.* Пушкин. Полтава). Сходные признаки встречаются и в других языках. В английском душа (*soul*) – это движущееся по кругу, испускающее чудесный свет, солнце (*But small that portion of the wondrous whole, These sparkling segments of that circling Soul, Which all embraced, and lighten over all, To cheer – to please – to please – or to appal.* Byron. Monody of the Death of the Right Non. R.B. Sheridan, Spoken at Drury-Lane Theatre, London). Для концепта *soul* распространёнными являются признаки ‘света-сияния’ (*As the branch, at the bidding of Nature, Adds fragrance and fruit to the tree, Through her eyes, through her every feature, Shines the soul of the young Haidee.* Byron. Translation of the Romantic Song, где *shine* «светить, сиять»).

Мифическая символика, ясно прочитываемая в признаках концепта душа, представляет стёртые метафоры. Неоднократная смена верований у народа не повлияла на эту символику. Язык законсервировал в себе многие устойчивые религиозные образы, которые трудно интерпретировать, не учитывая образы и символы былых верований. Категории культуры накладывают свой отпечаток на сознании носителя языка, что обязательно находит свое отображение в языке. Еще Г.В. Лейбниц предлагал концепцию «алфавита человеческих мыслей»: «хотя количество понятий, которые можно себе мысленно представить, бесконечно, возможно, что весьма невелико число таких, которые мысленно представимы сами по себе; ибо через комбинацию весьма немногих элементов можно получить бесконечное множество. ... Алфавит человеческих мыслей есть каталог тех понятий, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают остальные наши идеи» [7, с. 430].

Знания человека об окружающей действительности и способ, которым он классифицирует мир, выражены в его языке; с другой стороны, «язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре» [3, с. 8]. Исследование языка

сближается с исследованием когний (процедур, связанных с приобретением, хранением, передачей и выработкой знаний). Как пишет Г.В. Лейбниц, «языки – это поистине лучшее зеркало человеческого духа и... путем тщательного анализа значения слов мы лучше всего могли бы понять деятельность разума» [7, с. 338]. Как отмечает В.В. Колесов, «Ментальные архетипы складывались исторически, по определённым, генетически важным принципам, которые и следует описать» [3, 15].

Внутренний мир человека моделируется в языке по «образу и подобию» внешнего мира. Многоаспектная типология, представляющая концепты посредством системно-таксономических тождеств и интерпретаций внутреннего мира, отображает классификацию этого мира, так или иначе выраженную в языке.

Внутренний мир человека – это действительно целый мир, где есть солнце, звезды, луна, планеты. В этом мире есть особый пейзаж, пейзаж *души* народа. В этом пейзаже редко встретятся приметы нового времени: в описаниях *души* отсутствуют волнующие нас современные реалии – заводские трубы, отравленная вода рек и озёр. В языке сохраняются приметы старины, признаки патриархального мира. В таком мире значимыми считаются родники (этой метафорой описываются знания и творчество), сады (этой метафорой описываются любовь и счастье), нивы и засеянная почва *души*. Во внутреннем мире есть храмы и святилища, в которых молится *душа*. В *душе*-доме человек скрывается от внешней суеты и тревог этого мира. Дорогу своей жизни человек выбирает в своей *душе*, там же он строит планы, думает, мечтает, любит и ждёт изменений к лучшему. Во внутреннем мире своя погода, свой климат, в нём светит солнце, бушуют бури, мелькают молнии и появляются лучи зари.

Душа концептуализируется признаками мира по аналогии с существующим миром. При этом чаще используются два основных типа классификаций знаний носителями языка, которые осуществляются на основе разных моделей представления опыта, – метафоризация и метонимизация. Метафорические модели позволяют пропозициональным и схематическим моделям одной области использоваться в структуре представления знаний другой области. Метонимические модели дополняют выполнение той или иной функции элемента по отношению к другим элементам.

Таким образом, ментальность – оборотная сторона картины мира народа, представляющей собой систему категорий и субкатегорий, с помощью которой носители языка воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их языковом сознании. Категории, образующие картину мира, составляют основной когнитивный инвентарь культуры, потому что они запечатлены в языке, образуя его каркас. Человек мыслит о мире так, как «подсказывает» ему язык. Мыслить нам приходится в тех категориях, которые есть в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М.: ЭКСМО, СПб.: TERRA FANTASTICA. – 2002. – Т. 3. – 766 с.
2. Виноградова Л.Н. Тот свет / Л. Н. Виноградова // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 372-374.

3. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с. (Slavica Petropolitana).
4. Пименова М. В. *Душа и дух: особенности концептуализации: монография* / М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
5. Соболев А. Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания) / А. Н. Соболев. – СПб.: Лань, 1999. – 272 с.
6. Толстая С. М. Душа / С. М. Толстая // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. – М.: Международные отношения, 1999. – Т.2. – С. 162-167.
7. Leibniz G. W. *New Essays on Human Understanding* / G. W. Leibniz; Trans. P. Remnant and J. Bennett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

УДК 811.111'37

Синица И.А.
(Киев, Украина)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЛОВО» В СТАТЬЕ П. И. ЖИТЕЦКОГО «ГУМБОЛЬДТ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

Статтю присвячено аналізу суб'єктивно-дискурсивних особливостей концепту «слово», актуалізованих в одній з наукових праць П.Г. Житецького. Здійснено опис його когнітивної репрезентації в індивідуальній картині світу вченого.

Ключові слова: *концепт, вербальна репрезентація, слово – мова – мовлення.*

Статья посвящена анализу субъективно-дискурсивных особенностей концепта «слово», актуализированных в одной из научных работ П.И. Житецкого. Проводится описание его когнитивной репрезентации в индивидуальной картине мира учёного.

Ключевые слова: *концепт, вербальная репрезентация, слово – язык – речь.*

The article deals with some characteristic features of the concept «word» in one of the scientific works of P. Zhitetsky. The given concept is analysed in cognitive representation in individual worldview of the scientist.

Key words: *concept, verbal representation, word – language – speech.*

Распространение логико-философских методов и понятий прочно утвердило антропоцентризм как один из основных аспектов изучения языковых данных в современной лингвистике. Наиболее ярко он проявляется в когнитивной лингвистике, сосредоточившей своё внимание на тех когнитивных структурах и процессах, которые свойственны не просто человеку вообще, а человеку как носителю и интерпретатору определённой информации, человеку как homo loquens. Сегодня в филологических работах одной из